

ГЛАВА 1

НЕИЗБЕЖНЫЙ РИТУАЛ

— Ну? Что будем делать с Зоей?

Зоя — это я. Зоя Сани. Та самая, с которой надо что-то делать. А голос, доносящийся из дальнего угла гостиной, — это моя тетушка Шейла Бу, старшая сестра папы.

Вчера, к ее неопишуемому ужасу, я вошла в пору дряхлости и забвения — мне исполнилось двадцать шесть лет. И это притом, что я все еще не замужем. Мало того, на обозримом горизонте не видно никого, даже отдаленно подходящего на роль супруга. В Индии это означает, что я одной ногой уже увязла в Болоте Старых Дев.

— Итак, что мы будем делать? — вопрошает Шейла Бу, оперев руки туда, где у обычных людей располагается талия.

У нее такой противный голос, что им она может вывести человека из себя независимо от того, что говорит. Двумя этажами ниже, с узенького переуллка, словно в знак согласия с ней, раздается треньканье моторикиши.

Десять часов утра субботы. По выходным в раскаленном Бомбее¹ до полудня не шевелится вообще никто, даже сонные кукушки на манговых деревьях. Вернее, никто, кроме Шейлы Бу.

— В каком смысле, Шейла-диди²? — Мелодичный мамин голос бальзамом проливается в мои уши.

— Ты все прекрасно понимаешь, Гита! — С этими словами Шейла пытается вызволить пухлые ноги из перламутровых шлепанцев. — Зое давно пора быть замужем.

Толстые пальчики на ногах перетянуты блестящими серебряными кольцами. Это единственное, что я сейчас вижу, потому что кудри закрывают мне почти все лицо. Романтические представления об этом обстоятельстве не имеют ничего общего с реальностью: это не роскошные локоны, шевелящиеся от ветра, а спутанные пряди, набившиеся в рот. Так что если вы представили меня красоткой с умопомрачительной шевелюрой, то нет. Я из тех, что с волосами во рту. И так всегда.

Стоит самая гадкая пора: знойная и парящая, поэтому я не вижу смысла остужать филейную часть на прохладном мраморе пола. Это просто бессмысленно. Мама, сидящая на шикарном кожаном диване позади меня, хватает меня за волосы и начинает поливать мне голову липким кокосовым маслом.

Такой массаж — традиционный ритуал субботнего утра. Раньше голову после него полагалось мыть только вечером воскресенья. Но сейчас, когда в традицию

¹ События, о которых идет речь в романе, происходят во втором десятилетии XXI века, когда Бомбей уже был переименован в Мумбаи. Тем не менее автор оставил за собой право сохранить городу прежнее имя. — *Здесь и далее примеч. ред.*

² Уважительная форма обращения к женщине, старшей по возрасту.

вошли вечеринки и встречи в субботние вечера, допустимо мыться через несколько часов после массажа. Только совсем пожилые женщины и уборщицы позволяют себе выйти на улицу с масляными волосами. Масляный массаж — вековая непререкаемая традиция, которую не смеет нарушить ни одна индианка. Ритуал. Образ жизни. Или даже закон. Я не всегда в состоянии уловить различия.

Вы спросите меня, почему это Шейла Бу так переживает за мою личную жизнь? А потому, что: а) она назначила себя хранительницей нашей большой семьи; б) она просто не может иначе.

Она не может не заниматься устройством браков, подбором женихов, невест и подходящих друг другу семей. Ее пристальный, подобный рентгену взгляд всегда устремлен на ничего не подозревающих холостяков и незамужних женщин. Такое у нее хобби. В ее огромной сумке мерзкого ярко-зеленого цвета заботливо собраны биографии и фотографии отпрысков, отправленные ей хлопотливыми родителями. Разумеется, сами предполагаемые женихи и невесты не стали бы этого делать.

Вообще уже то, что она так долго обращала на меня внимания, — чистой воды чудо. Понятно, что ей интереснее выдавать замуж хороших и стройных невест, а не заниматься таким запущенным случаем, как Зоя. На следующей неделе, к примеру, будет поставлена точка с подбором лично Шейлой Бу шикарной партии для моей хорошенькой и стройной кузины Аиши.

Ноги Шейлы прошлепали по светлomu полу совсем близко. Ее пухлая потная ручка вцепилась мне в волосы.

— Зоя, что ты сделала с волосами? Они сухие как мочалка!

— Они всегда были такими, Бу!

— Ты регулярно делаешь масляные маски? На сколько часов?

— С самого рождения. И это явно не идет мне на пользу, да?

— Конечно же идет! Вот сейчас они у тебя как новая мочалка! — объявляет она и продолжает, обращаясь к маме: — Лей побольше масла, Гита! Это единственный способ исправить положение.

С нашими традициями нельзя спорить, и изменить их так просто не получится. Мы все веками пытались молча им сопротивляться: тихо, таясь, поступая по-своему. Этакий тайный бунт. Значит, так, я уделю всему этому безобразию два часа, не больше. Никто ведь не сможет ворваться в ванную и помешать мне, правда?

Любое упоминание о непослушной копне волос, которая была у меня в детстве, приводит мать в иступление. Прическа — один из многих недостатков, сокращающих мои шансы на рынке невест. И мамино разочарование отсутствием у меня мужа выливается прямо мне на голову, когда она просто переворачивает над ней голубую бутылочку с маслом. По моему лицу, уже облепленному маслянистыми прядями, бегут густые ручейки.

Честно говоря, мне очень нравится этот массаж. Теплое масло, втираемое в голову, способно подарить настоящее блаженство! К тому же это занятие дает особое время, которое принадлежит только нам, мне и маме. И мы посвящаем его болтовне, обмену новостями и сплетнями: о моем боссе, немного вредном

и возмутительно немногословном; о маминых тайных, вопреки запрету, занятиях юриспруденцией и о том, как она однажды накричала на папу. Я обожаю эти истории, особенно про нарушение правил, о редких случаях, когда мама отваживалась на открытое неповиновение. Нет, она не тряпка. Она образованная современная женщина, преподаватель права. Но в то же время она индийская женщина, мать, которая, как и положено матерям, страстно желает выдать свою дочь замуж, пока та не поседела.

Однако сегодня неподходящий день для приятных бесед и расслабляющих массажей. Мама, подобно урагану, мнет и шлепает мою голову так, словно это не жизненно важный орган с еще функционирующим мозгом, а тугое тесто. Если она не ослабит натиск, то полушария могут не выдержать и поменяться местами, а я проснусь совершенно другим человеком.

— Шейла-диди, ты только посмотри, как много ей нужно масла! — Мама хлопает меня по макушке. — Мне не удалось добраться и до середины этого гнезда. Вот что она унаследовала от отца: жесткие волосы!

На самом деле папа лыс, как коленка, но я не буду напоминать об этом маме. Она снова хватает полную горсть тяжелых прядей и дергает мою голову назад с такой силой, что у меня звонко хрустит в шее. Я рывком выпрямляюсь, и крупная фигура тетушки, страдающей одышкой, наконец предстает перед моими глазами. Флуоресцентный розовый и пронзительно оранжевый цвета плотно сидящих на ней дорогой рубахи *курта* и лосин превращают ее в ходячий триггер для мигрени, от которой меня мог бы спасти масляный массаж головы, будь он действительно расслабляющим.

Слышится мелодия дверного звонка, первая на сегодня. Шейла вздрагивает от неожиданности и настораживается, но в комнату wpłyвает Суджата, одна из трех наших служанок. Розовое сари на ее сухоньком теле висит мешком, вокруг нее распространяется мускусный аромат.

— Почему ты опоздала? — спрашивает мама.

Суджата качает головой, готовясь к обычным оправданиям.

— Я ничего не могла поделать, мадам Гита. Возле наших хижин теперь столько больших домов! А сколько кранов и грузовиков перегородило дорогу?! Вот мне и пришлось идти очень медленно.

Мама смиренно вздыхает и кивает на ванную, где стоит пластиковое ведро с выстиранным в машине бельем, дожидаясь, пока его вывешат на воздух сушиться. Но Суджата, как истинная хозяйка своего времени, неспешным шагом направляется на кухню. Она твердо знает себе цену в этом сумасшедшем городе: хороших служанок здесь днем с огнем не найти.

— Скажи, Гита, — тетушка решает отвлечь маму от домашней рутины, — ты уже начала присматривать молодых людей?

— Нет, еще не начинала. Да и как я могу начать без вас? Вот только эта дуреха хочет подождать еще годик, прежде чем идти под венец! Можете себе это представить? — Мама цокает языком и хлопает меня по плечу. — То есть нельзя даже начинать искать ей жениха до того, как ей исполнится двадцать семь! Вот что нам с ней делать?!

Что происходит с современными, относительно разумными матерями, когда приходит время выдавать

дочерей замуж? Нет, вот правда? Куда деваются их образованность и память о собственной юности?

— Да, я хочу подождать еще годик, — тихо бормочу я.

— Подождать?! — Тетушка Шейла вздрагивает, будто наткнулась на труп прямо посреди гостиной, и так резко разворачивается к маме, что каблук опасно проседают под ее весом. — Гита, вы сошли с ума?! Неужели вы позволите ей ждать?! Ох уж эти современные девушки! Она что, хочет довести меня до седых волос?! Превратить меня в старуху?!

Ее шелковистые волосы, иссиня-черные благодаря регулярному применению двойной дозы краски «Лореаль», собраны в низкий хвост. На лбу у тетушки появляются маленькие злые морщинки, одним своим видом порицающие неразумность молодости.

— Шейла-*диди*, поговори с ее отцом! Я уже говорила ему, сколько нужно времени, чтобы найти хорошего юношу, но отцы не представляют, что значит выдать дочь замуж!

Ужас от мысли о том, что ее дочь может превратиться в старую деву, искажает мамин мелодичный голос до хриплого клекота. Тот факт, что другие девушки моего возраста уже сейчас поголовно упаковываются в свадебные наряды, как на конвейере, делает ситуацию еще страшнее.

Папа единственный меня понимает. Вот только пассивно, потому что он: а) особо не лезет в мои дела; б) каждый раз, когда мама заводит разговор о браке, меняет тему и подмигивает мне, что ужасно ее злит.

Исключительно ответственный главный хирург, папа сегодня сбежал в госпиталь еще на рассвете.

По-моему, он как-то узнал, что к нам придет Шейла Бу, в отношении которой у него срабатывает сильнейшее, на зависть любому медиуму, шестое чувство. Вот только как долго мы с отцом сможем противостоять альянсу мамы и тетушки Бу, неизвестно. К сожалению, тетушка тоже обладает сверхсилой: страсть к организации браков у нее сопровождается способностью подавлять чужую волю.

— Что это вообще за мода такая: «подождать»! К тому времени, как наша Зоя решит, что она готова к браку, все остальные девушки уже давно будут замужем и даже станут матерями. А все порядочные женихи уже будут разобраны! — Шейла пытается щелкнуть пухлыми пальцами, унизанными кольцами с бриллиантами, но ей так и не удается издать ни звука. — Кого она тогда найдет? Никому не нужных оборванцев?

Какое счастье, что у тетушки Шейлы нет дочерей, только двадцативосьмилетний сын Юви! Недавно она его женила и теперь располагает массой времени, чтобы вмешиваться в дела других людей. То есть помогать им устраивать свои жизни.

— Да не нужны мне оборванцы...

— Ты останешься совсем одна, одинокой и жалкой! И все потому, что «ждала». Какой же мы будем семьей, если останемся в стороне и не поможем тебе в это сложное время? — Всё, тетушка вошла в раж. Руки, будто у дирижера, рассекают воздух, персиковые шторы за ее спиной покачиваются в такт словам, как благодарная публика. — Ожидание! Я даже не знаю, что это такое! Девушка может позволить себе подождать, когда ей двадцать лет, но не двадцать шесть! Вон, посмотрите на вашу соседку, эту Камию Шарму! Она тоже все еще ждет! А ей уже тридцать пять!

У меня скоро истечет срок реализации на рынке невест. И я не приступала к поиску жениха из-за того, что занималась — о ужас! — образованием и карьерой.

То, что мне в мои двадцать шесть только начинают подыскивать партию, означает, что я одной ногой стою на пути к забвению. Теперь меня будут оттеснять всё более молодые и свежие лица. Когда я достигну страшного возраста в три десятка лет, меня и вовсе снимут с полки и уберут в дальний угол под вывеску «уцененные товары». Брачных предложений будет поступать все меньше, и к сорока годам я так и останусь незамужней. Не матерью, не женой, не разведенной, не овдовевшей и не брошенной. Чем-то вроде запасного кусочка мозаики, которому нигде нет места и который закончит свои дни никому не нужным в пыльном углу.

Я не хочу выходить замуж только потому, что это должна сделать каждая женщина, чтобы поставить галочку в списке жизненных целей. Но со дня помолвки Аиши, уже полгода, в глубине души я жалею, что не похожа на кузину и остальных нормальных девушек и не умею правильно поступать в правильное время. Ведь тогда моя семья взирала бы на меня с одобрением, а не со смирением или негодованием, как на дурное семя, которое надо сбить с рук первому, кто попросит. Мне не хочется выделяться больше, чем я уже выделяюсь. Скоро вы узнаете, что я имею в виду.

Снова раздается рев дверного звонка. Бомбей вообще надо переименовать в Город Громогласных Дверных Звонков, потому что людской поток сквозь наши двери никогда не стихает. Появляется наша вторая служанка, повариха Мала, ужасно горящаяся своим положением среди остальной прислуги. Она поворачивает к маме тугое, как барабан, тело.

— Что сегодня приготовить, мадам Гита?

— Приготовь на завтрак картофельные сэндвичи и на обед куриный карри, пожалуйста. Шейла-диди, ты же останешься на обед?

— Конечно. Нам же еще столько нужно сделать. И предоставь отца Зои мне. Он никогда не сможет оспорить то, что я ему скажу.

Шейла Бу с нарушением законов гравитации опускает самую весомую часть своего тела на кожаный диван, который в ответ издает почти жалобный скрип.

— И перед тем как мы приступим... — Она упирается в меня пронзительным взглядом. — Скажи, может, тебе уже нравится какой-нибудь парень? Ну же, не глупи. Мы либо сами подберем тебе кого-нибудь, либо, если тебе уже кто-то понравился, я разыщу на него компромат, и тогда мы быстренько организуем твой с ним брак. Так что признавайся!

Ну, вообще-то, у меня был Аман. Три месяца назад. Ничего особенного, мы просто выпили вместе, ну и... хорошо провели время. Аман с тяжелыми веками и насмешливым голосом, который очень умно доставлял мне удовольствие, признавая мое право на собственную жизнь, но не забывая подчеркивать, что он обо всем знает больше меня. А еще он курит травку. По индийским стандартам моя семья считается современной, но не настолько, чтобы допускать подобные интрижки. Или курение травки.

— У меня никого нет.

— Ну конечно нет! — Мама продолжает мять мою голову так, словно решила одержать победу над непослушными волосами любой ценой. — Она же целыми днями сидит в своем офисе, уткнувшись носом

в компьютер. Где же ей кого-то найти?! Она даже не ходит со мной на свадьбы родственников.

По идее, индийские свадьбы — это романтические ритуалы, объединяющие новобрачных и их семьи. А на самом деле — женихи и невесты всего лишь дичь в охотничьих угодьях матерей, желающих пристроить своих отпрысков. Стоит вам появиться на чьей-либо свадьбе, как на вас набрасывается стая тетушек самой разной степени родства. Они щиплют вас за щеки, словно вам снова пять лет, тем временем внимательно рассматривая, уж не растолстели ли вы, чтобы втайне гордиться собственными стройными дочерьми. Ну уж нет, спасибо большое!

— Мам, эти свадьбы — такая скука.

— Тише, девочка! — Шейла поднимает пухлую ручку, чтобы заставить меня замолчать. — Я найду тебе кого-нибудь. Видела, какого чудесного мальчика я отыскала для Аиши?

Варун Сетхи, «чудесный мальчик», — наследник хозяина огромной туалетной империи. Говорят, Шейла по секрету рассказывает своим клиентам, что этот юноша по утрам усаживает свою филейную часть на горшок из чистейшего золота, который по окончании процедуры орошает его зад французским парфюмом. Аиша выходит за Туалетного Наследника меньше чем через неделю, а церемония Мехенди³ будет уже через два дня. Именно поэтому масляному массажу сегодня уделяется столько внимания. Мама пытается усмирить и облагородить мою гриву, чтобы она не опозорила меня на церемонии.

³ В этот день мехенди, временная роспись хной, наносится на руки и ноги невесты, иногда даже жениха. Невесту украшают сложными замысловатыми узорами, жениха, как правило, — только символическим рисунком.

Туалетный Наследник отвечает всем требованиям, предъявляемым к жениху: он исповедует ту же религию, что невеста, говорит на том же языке (из двадцати двух разновидностей) и относится к той же касте: хинди-пенджаби-хатри. Поиск партнеров для договорного брака похож на полеты в космос: где-то там, в необозримом пространстве, существуют вселенные. Далекие и неизведанные, со своими законами и верованиями, традициями и языками. И в каждой такой вселенной на собственных орбитах кружатся мириады разных планет: социально-экономических каст.

Вдобавок Туалетный Наследник образован, состоятелен, имеет хорошие перспективы и у его семьи неплохая репутация. Все это очень важно, потому что никому не захочется выйти замуж и оказаться в семействе нищих, не дружащих с головой.

Так что, как вы уже поняли, от Шейлы Бу требуются ювелирные расчеты, которые сделали бы честь самому Эйнштейну. Основа Теории Относительной Брачной Пригодности звучит так: держись своей планеты, и пусть остальная вселенная идет на все четыре стороны.

Из кухни в комнату начинают просачиваться, плывя к распахнутым французским окнам и будоража обоняние, аромат разогретого растительного масла, кислотные запахи ферулы и жареных семян горчицы. Еда всегда меняет жизнь в лучшую сторону. И никогда никого не судит.

Шейла Бу принимает и удовлетворенно вздыхает. Поглаживая сумочку, словно живое существо, она говорит:

— Прежде чем перейти к поискам мужа, давайте посмотрим, какие фотографии прислали мне другие девушки. Они словно из портфолио супермоделей. — Бросив

быстрый взгляд на мое залитое маслом лицо и скользкие волосы, тетушка морщится, затем решительно поджимает блестящие от помады губы. — Просто поглядим, кто составляет конкуренцию нашей Зое. В конце концов, какой смысл заниматься сватовством, если нельзя использовать свои преимущества? Правда?

Мама прекращает делать вид, что увлечена массажем, опускает масляные руки мне на плечи и впивается взглядом в глянцевую фотографию размером восемь на десять сантиметров. Это портрет двадцатидвухлетней девушки по имени Пуджа. Шейла держит снимок прямо напротив моей физиономии.

— Видишь? — интересуется она. — Двадцать два года. Она начала поиски жениха год назад, и я уже показала ее семье шестерых юношей!

«Симпатичная, светлокожая, стройная, домовитая аспирантка по специальности “Экономика и финансы”. Рост — 165 см. Отличная хозяйка, великолепно готовит блюда индийской, тайской, китайской и европейской кухни. Заработок исчисляется семизначной цифрой, но не подвержена излишним амбициям. Придерживается гибких взглядов на карьеру, готова оставить работу ради семьи. У отца свой бизнес, связанный с медью, мать — домохозяйка. Имя профиля в сети “ПенджабиСупружество.com”: Пуджа21. Более подробная информация будет предоставлена при обращении».

С фотографии смотрит модель: пухлые губы и чуть впалые щеки. Никак не могу понять, из-за чего ее кожа так сияет. Фотошоп или качественный макияж? Но как бы я ни изображала отсутствие интереса, не заметить

очевидного нельзя: конкурировать с такой девушкой невозможно. У меня обрывается сердце.

— Зоя пользуется тем кремом, который я тебе дала? — спрашивает Шейла у мамы.

— Да. Знаешь, хоть мне и не нравится вся эта мода на осветление кожи, но сейчас, похоже, нам не стоит ни от чего отказываться.

У мамы и тетушки такие мрачные лица, будто они обсуждают последние средства в своем арсенале.

— В общем, он ей пригодится от прыщей, — говорит мама со странным выражением лица.

Они вообще часто обмениваются многозначительными взглядами, непонятными для посторонних. Обе женщины выросли в одном районе и подружились задолго до того, как мама вышла замуж за брата тетушки. Так что это давний союз и, к сожалению, очень крепкий. Держу пари, они знают друг о друге много такого, о чем не рассказывают остальным. Хотя вряд ли в их прошлом было что-то, о чем не стоит рассказывать, уж больно они не похожи на людей с интересной юностью. Ну хорошо, допустим, я знаю пару историй о маме и ее «непослушании», но Шейла Бу? Кроме дурацкого выбора живописи в качестве хобби, о ней больше решительно нечего сказать. Мне иногда кажется, что она сразу родилась свахой.

Но этот крем! Его рекламируют как увлажняющее средство, осветляющее кожу сразу на четыре тона. Я — обычная темнокожая девушка из касты пенджаби, которой предстоит выйти на гладиаторский брачный рынок. В нашей семье принято называть мой тон кожи «золотисто-смуглым», словно быть темнокожим равносильно проклятию. Можно подумать, что они изо всех сил старались родить светлокожего ребенка, но у меня оказались другие планы.

В общем, кремом я пользуюсь тоже по своему усмотрению: наношу на лицо раз в неделю, а не каждый день, а остальное выдавливаю в раковину. Один из примеров пассивного бунта.

С фотографии на нас продолжает невинно взирать светлокожая красотка, уверенная, что легко найдет прекрасного жениха. Ее нос, глаза, скулы, все лицо окутаны мягким светом так, что вся она кажется сладкой конфеткой. Она одета в прекрасно сидящий *шальвар-камиз*⁴, который не скрывает ее стройной фигуры: свободные шаровары, сужающиеся к щиколотке, и длинная розовая туника, настолько узкая, насколько позволяют приличия. Судя по всему, она втянула в себя все, кроме груди, которая выпирает вперед двумя огромными шарами. Наверняка у нее там пуш-апа больше, чем живого тела.

— Надо купить Зое новую одежду. Что-нибудь яркое и выделяющееся. А вот это все просто... — И Шейла замолкает, не в силах подобрать слов к описанию моих свободных пижамных штанов с пингвинами и линялой серой футболки.

Нет, ну вот скажите, кто станет наряжаться в десять утра в выходной, готовясь к масляному массажу?

И напоследок я получаю от тетушки Бу сокрушительную профессиональную оценку: я пухлая. Что в словаре свадебных экспертов означает «жирная» и лишает кандидатку в невесты почти всех шансов на брак. Если только она не пойдет на некоторые компромиссы в выборе жениха. Я же говорила, что я и так привлекаю к себе слишком много внимания, да?

«Жирная», «жирная», «жирная». Это слово я выучила одним из первых и привыкла к нему, как к нелюбимому родственнику, с которым приходится мириться.

⁴ Традиционная одежда женщин Пенджаба, Харьяны, Химачал-Прадеша и Кашмира. Широкие брюки (шальвар) и туника (камиз).

Иногда, когда мне на глаза попадаются другие толстые девушки, я мысленно замеряю их бедра, животы или ноги и, если они оказываются жирнее меня, не отказываю себе в маленькой радости. Потом мне становится так стыдно, что приходится заедать это чувство большой порцией жирных макарон с овощами и солидным куском кофейного торта из кондитерской «Берди». Ну почему еще никто не додумался организовать Общество Анонимных Едоков?

В общем, погоня за женихом закончилась, еще толком и не начавшись. Я проигрываю по всем фронтам. Понятно, что между возрастом двадцать девять лет и тридцать нет особой разницы, как и между тридцатью и тридцатью одним годом. Так что, если я не выйду замуж за ближайшие три года, меня официально изымут из обоймы. В смысле из сумочки тетушки Шейлы.

Снова раздается дверной звонок, но на этот раз в соседнюю квартиру. С улицы доносятся грохот и звон моторикш, рев двигателей автомобилей и стук молотков. В Бомбее, средоточии вечного шума и движения, начинается очередной день.

— *Ачха*⁵, Гита, а какой у Зои рост? Сто шестьдесят два или сто шестьдесят три сантиметра?

— А какая разница? — удивляется мама. — Плюс или минус сантиметр?

— Это же целый сантиметр! Каждая капля воды — драгоценность в этой пустыне! — мрачно произносит тетушка Бу, приготовившись к битве за мое счастье.

И мне придется в ней участвовать. А куда деваться?

⁵ Здесь — слушай.

ГЛАВА 2

ТЕТКИ В ЗАСАДЕ

Сегодня у Аиши будет церемония Мехенди. Поверить не могу, что через два дня она выйдет замуж! Это такое взрослое событие. Вот живешь ты обычной девчачьей жизнью, но в ту же минуту, как семья жениха дает тебе свое одобрение, — моментально приобретаешь статус «женщины». Всё, теперь ты официально признаешься взрослой, к твоему мнению начинают прислушиваться, и вся семья наделяет тебя своим одобрением, хоть ты для этого ничего и не сделала.

Мы с мамой уже почти добрались до банкетного зала. Полчаса назад у нас еще оставался шанс успеть к самому началу церемонии (что по индийским стандартам все равно считается опозданием), если бы какие-то жирные коровы, самые настоящие на этот раз, не перегородили улицу. Члены семьи невесты должны приезжать на такие церемонии за час до начала, чтобы помочь с организацией, а не за полчаса, как почетные гости.

Здание с банкетным залом окружено целым лесом однообразных домов, низеньких и высоких. Их